

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

(На материалах американских источников)

Т. В. Свадьбина

Российская семья вместе с обществом вступает в очередной переходный период. Чем завершится он на сей раз? На этот вопрос не возьмется ответить ни один астролог. Но выявление общих закономерностей, отличительных особенностей, извлечение необходимых уроков из "октябрьского опыта" и "перестройки", отразившихся на статусе семьи, определение механизмов адаптации и семьи к новым условиям, а значит, и нахождение возможностей прогнозирования семейно-брачного поведения — все это представляется благодатным полем исследовательской деятельности в области фамилистики и феминологии. В этой связи обращение к опыту американских исследований по российской (некогда — советской) семье является оправданным. Эти изыскания отличает добротный теоретико-методологический, концептуальный уровень. В них поднимаются не просто отдельные вопросы "по семье", а анализируются возможности российской семьи выполнять свои функции именно в трех ее социальных предназначениях — как малой социальной группы, социальной общности и социального института.

Введение

Перспектива гуманного, демократического общества, приоритет общечеловеческих интересов над классовыми, необходимость считаться с закономерностями цивилизованного общежития — все это заставляет обращаться к исследованию семьи и как первичной ячейки общества, его малой социальной группы, которая в полной мере отражает всю сложность и многогранность социально-экономических, политических и нравственных перемен в обществе. Более того, семья как одна из форм социальной общности, опосредующая связи индивидов и общества, невольно становится "пробным камнем" для экономистов, политиков и социологов, поскольку первой несет все издержки реформ и программ, замышляемых на макроуровне. Следовательно, анализ адаптационных, "приспособленческих" возможностей семьи к изменяющимся условиям должен лечь в основу при разработке социально-экономической концепции развития общества, а также при прогнозировании положительных и отрицательных последствий "претворения в жизнь" той или иной теории. Наконец, семья как социальный институт, основанный на браке, призвана осуществлять первичный социальный контроль над сексуальными отношениями и нести определенную ответственность за демографические процессы в обществе.

Как свидетельствует российский опыт, вопросы, связанные со статусом семьи, встают особенно остро именно в переломные для общества эпохи, будь то построе-

ние “коммунистической формации” в послеоктябрьский период или приобщение страны к “новому типу цивилизации” во времена так называемой перестройки, или интегрирование России в “рыночное сообщество” на ее современном, “реформируемом” этапе развития.

Разумеется, предлагая принять во внимание сторонний взгляд на нашу жизнь в столь непростой ее сфере, я понимаю, что далеко не все в развиваемых американцами концепциях по российской семье и статусу нашей женщины выглядит бесспорным. На некоторых теоретических и методологических принципах исследований явно прослеживаются отпечатки идеологических и политических клише, разделявших долгие годы советскую и американскую школы фамилистов.

В американской советологии можно условно вычленить три концепции развития семьи в условиях социализма и, соответственно, три направления фамилистики. Два из них ведут свое начало с 1920-х гг., когда появились первые американские работы по советской семье. Так, в трактовке первого из этих направлений — “новой левой” социологии — социалистический строй в советской России представляется как у т о п и я, “экспериментирование большевиков”. Следовательно, все новшества в экономической и политической областях, равно как и в брачно-семейной сфере, были направлены большевиками на “разрушение” традиционной семьи, на постепенную ее деинституализацию, а проще — “ликвидацию”, при одновременном постепенном “отмирании” государства. Представители второго, “неофеминистского” направления, определяли социализм как т о т а л и т а р н о е общество, в котором “наверное” решение женского вопроса привело к созданию деформированного типа семьи, допускающего “эксплуатацию” женского пола дважды. С начала 1960-х гг. складывается третье направление, отчасти футурологическое, рассматривающее социализм как разновидность “индустриального общества” (позднее как вариант “третьей волны” цивилизации). Этой теоретической предпосылке обязана своим рождением концепция “конвергенции”, “сближения” двух типов семей как олицетворение интеграции двух общественно-политических систем. Каждое из указанных направлений сопровождается соответствующим методологическим обеспечением, вызывающим ничуть не меньший интерес, нежели теоретические изыскания американских социологов.

Другая немаловажная причина, по которой фамилистика выделена нами в автономный аналитический обзор, заключается в достаточно убедительно выраженных прогностических чертах, сопровождающих исследования по советской семье; особенно это заметно в работах конца 1970-1980-х гг. В них американские социологи неоднократно предупреждали о социально-нравственных недугах, которые несет с собой общество “массового потребления”, так как сам Запад переболел ими тридцатью-сорока годами раньше. И вновь опережающий прогноз, теперь уже на основе опыта стран Восточной Европы и бывшего СССР, начавших стремительный бег от “социализма” к “капитализму”: дух наживы, накопительства, словно выпущенный из бутылки джинн, натворит еще немало дел. Стало быть, могли бы и российские политики, социологи, практики предусмотреть, просчитать основные издержки вхождения общества, а вместе с ним — семьи в переходный этап рыночной экономики.

Наконец, есть еще одно обстоятельство, объясняющее предпочтительное обращение автора к американской социологической литературе по российской семье. В последние годы ряд российских специалистов по семье и некоторые публицисты стали охотно поднимать вопросы о необходимости исследования противоречий современной семьи, преодоления отношений отчуждения женщины в обществе и в семье, предоставления ей права “выбора” сферы социальной реализации; настоя-

тельно звучит мысль о прогнозировании моделей семейно-брачного поведения, которые были бы адекватны социально-экономическим переменам в обществе и т. д. Все это можно было бы только приветствовать, если бы вышеприведенные идеи не подавались как "научное озарение", "долгожданный прорыв в многолетних и безуспешных поисках", как "удача первопроходца", что стало якобы возможным благодаря "перестроечным", демократическим процессам в социально-политических науках и отказе от "застойного мышления". Полноте! Честнее говорить о переориентации отечественной социологии, ее становящейся открытости и научном признании западных социологических школ, нежели выдавать за "новации" теоретико-методологические подходы, составляющие уже добрых три десятка лет фундаментальную основу американской фамилистики.

I. Российская социология семьи и личности женщины в оценке американских специалистов

190

Американские ученые рассматривают возможности российской социологии с трех позиций: наличия целостных, фундаментальных теорий по семье; разработки частных проблем по семье, браку, статусу женщины в обществе; технической и кадровой обеспеченности социологических служб и состояния статистики. Американские ученые констатируют, что на протяжении многих лет единственным фундаментальным трудом по проблемам истории генезиса, становления и развития семьи была монография А. Г. Харчева "Брак и семья в СССР" (М., 1964). В этом ряду упоминается также книга Ю. И. Семенова "Происхождение брака и семьи" (М., 1974). И все. Целостной же школы по системному, комплексному изучению семьи с широкими обобщениями, перспективными направлениями так и не сложилось. В методологическом отношении абсолютное и безраздельное господство исторического материализма и марксистско-ленинской трактовки семьи социалистического типа и эмансипации женщины заранее предопределяло позитивную интерпретацию изучаемых процессов в этой области при одновременно негативном отношении к западной социологии, "фальсифицирующей" наглядные достижения социалистического строя в становлении новой семьи.

Более удачным, с точки зрения американцев, выглядит исследование частных проблем. Среди них — демографические вопросы, находящиеся в поле зрения таких ученых как Д. И. Валентей, В. И. Переведенцев, С. И. Голод, Л. А. Гордон, Э. В. Клопов; нравственно-психологические и аксиологические основы семьи, рассматриваемые в работах Б. Ц. Урланиса, А. Г. Здравомыслова, И. В. Бестужева-Лады, И. С. Кона, Ю. Б. Рюрикова; проблемы женской занятости и семейного счастья, входящие в круг научных интересов З. А. Янковой, Е. Б. Груздевой, Э. С. Чертихиной, Л. М. Кузнецовой и др. Правда, отмечают западные специалисты, "женская проблематика" по-прежнему исследуется не столько на научном уровне, сколько на уровне талантливой публицистики (1).

Но слабым местом, обрекающим российскую социологию на отставание от мировых стандартов, является социальная статистика. Социология, подчеркивают наши оппоненты, не мыслима без обширной сети социологических служб, лабораторий, институтов, информационных центров социально-прикладной направленности, соответствующих печатных органов, справочных изданий, обмена социологической информацией с зарубежными центрами. В этом отношении ситу-

ация в СССР до середины 1980-х гг. была просто удручающей. Принцип лукавой “средней статистики” по стране делал практически невозможным выявление наиболее злободневных, а во многом — острых социальных проблем в многонациональном государстве, а значит, обрекал на неудачу выполнение программ по социальному развитию общества.

Статистика была закрытой и недоступной не только для общественности, но и для самих специалистов, уже не говоря о попытках иностранных социологов подобраться хоть с какого-нибудь края к “закрытой теме” или к результатам советских эмпирических исследований. В распоряжении американских социологов могли быть только официальные данные тогдашнего Центрального Статистического Управления (ЦСУ) или результаты отдельных, частных, выборочных исследований, проводившихся советскими социологами в Москве, Ленинграде, Прибалтике и в Сибири.

Полной же картины по таким социальным явлениям, как преступность, алкоголизм, наркомания, самоубийства, рождаемость, экологическая обстановка (особенно в закавказском и среднеазиатском регионах) на протяжении десятилетий получить не удавалось. Это позволяло центральной и местной власти бесконтрольно эксплуатировать материальные, экономические и людские ресурсы страны. Американские социологи заключают: “Ни о каком прогнозировании и научном обосновании социальной политики в отношении семьи и женщины в те годы нельзя было говорить всерьез” (2).

Дополняя впечатления американской стороны, можно с уверенностью констатировать, что многие из указанных проблем все еще ждут своего решения. Определенный прорыв в публикации статистических материалов от Госкомстатуправления произошел в начале 1990-х гг. Но принцип спорадичности, а главное, определенной заданности (“сверху”) результатов социологических опросов и исследований намного снижают научную достоверность и прогнозирующий потенциал российской социологии. Если к сказанному добавить все еще слабые технические возможности для ведения социологических работ, недостаточную подготовку кадров, то расчет на функционирование отечественной фамилистики на уровне западных образцов остается благим намерением, не более.

Чтобы понять, какая дистанция еще отделяет российскую и, скажем, американскую социологию, достаточно рассмотреть спектр изучаемых проблем в отношении американской семьи и личности женщин в США. Для иллюстрации мы можем назвать лишь некоторые: изменение положения женщины в обществе в связи с новой стратегией социально-экономического развития страны; социальные индикаторы и исследование качества жизни семьи; половые различия в структуре профессионального рынка; институт брака: генезис и современное состояние; брак и семья в 2020 г.; типология искусственного материнства и отцовства; подростковая беременность; социализация женщины; бездомные в современном обществе (женщины и дети); повторный брак и приемные дети: проблемы адаптации; социология жизненного цикла женщины; типология интимных отношений.

Что касается теоретико-методологического уровня американских исследований семьи, брака, личности женщины, то о его уровне можно судить по тем вопросам, которые представлены нами на обсуждение в данной статье: стабилизация и перспективы российской семьи, проблемы российской семьи и женский вопрос — в зеркале американского неофеминизма, образ жизни семьи и типология брачно-семейного поведения в российском обществе. Разумеется, данный обзор не претендует на то, чтобы исчерпывающе квалифицировать научный потенциал американской социологии. Но он безусловно подтвердит и дополнит перспективы

совместного исследования проблем российской семьи и статуса женщины, что в конечном счете должно благотворно сказаться на развитии российской и американской фамилистики.

II. Российская семья — на “переходных этапах” общества

Изучая вопрос о судьбе института семьи в послеоктябрьской период и о воздействии общества на семью как на свою малую социальную группу, американские специалисты подняли ряд достаточных интересных теоретико-методологических проблем, не потерявших своей актуальности ни во времена “перестройки”, ни в эпоху начавшегося “поворота к рынку” в развитии российского общества.

Впрочем, предварительно стоит заметить: заокеанские советологи также пережили своеобразную “перестройку”. Их работы по советской семье 1920-х, 1960-х, 1980-х гг. резко отличаются друг от друга общим настроением, отношением к стране Октября и Перестройки. Идеологическое противостояние когда-то было обоюдным, и в жертву политическим амбициям приносились научная объективность, принцип соблюдения единства логического и исторического подходов.

Итак, одна из наиболее устойчивых и распространенных концепций в американской фамилистике — продолжающийся процесс постепенного “разрушения”, “ликвидации” семьи, начало которому положил Октябрьский переворот 1917 г. Весь “социализм”, все мероприятия большевиков в области брачно-семейных отношений были неудачным экспериментированием.

В первую очередь, считают западные советологи, “эксперимент” коснулся форм собственности. Согласно концепции основоположников марксистского учения, моногамный тип семьи, как носитель частной и личной форм собственности, является опорой антагонистического государства. “С ликвидацией большевиками частной собственности в масштабах всего государства и его экономических структур сам собой вставал вопрос о статусе семьи” (3). Таким образом, “самоуничтожение семьи” было предопределено “самоуничтожением”, “постепенным засыпанием” государственной системы, которую должна была сменить “ассоциация свободно объединившихся трудящихся” (4). Это — главный, но не единственный концептуальный тезис, на который делают ставку обличители советской “социальной утопии”.

Второй тезис связан с предпринятой большевиками “революцией нравов”, с падением моральных и культурных устоев жизни общества, в немалой степени спровоцированных новым советским брачным законодательством (касающимся бракоразводных процессов, внебрачных детей, имущественных отношений супругов и т. д.) (5).

В качестве третьего выступает тезис о вынужденном “забвении женщиной семьи” ради участия в общественном производстве. “Заброшенная семья” явилась причиной отказа индивидов от семейных ценностей и обычаев, игнорирования ими традиционных супружеских и родительских прав, веками освещаемых религиозной моралью; уход женщины из семьи повлек за собой массовую беспризорность детей, либо воспитание их в “трудовых коммунах и колониях” (6).

Суть четвертого тезиса сводится к тому, что большевики разрушили “исконно славянский, русский, патриархальный тип семьи — с его устойчивым хозяйственно-бытовым укладом, раз и навсегда принятой иерархической системой прав и обязанностей членов семьи, с традиционным проживанием нескольких поколений большой семьей” (7).

Опуская некоторые натяжки наших оппонентов относительно “стратегических планов” большевиков по непрелюбимой “ликвидации” первичной ячейки общества, разрушению социального института семьи, дабы общество могло “пуститься в сексуальный разгул”, следует отдать им должное: американские социологи подметили все изъяны и даже ошибки, неизбежно возникавшие на практике при реализации идеи создания семьи “нового типа”. Более того, можно сказать (с высоты сегодняшних лет), что наши заокеанские коллеги невольно “подарили” российским фамилистам три принципиально важных вопроса, достойные углубленной теоретической и методологической разработки. Мы обозначили бы их следующим образом.

Первый вопрос: Благодаря чему все же сохранился кое-где именно “патриархальный” тип семьи? И не на него ли делается ставка, когда бывшее социалистическое общество переходит к рыночным отношениям, особенно, если речь идет о сельской местности? “Живучесть” патриархальной семьи признают и сами американцы, когда пишут о том, что “спустя 70 с лишним лет в России происходит возвращение людей к своим исконным хозяйственно-бытовым принципам существования” (8); что именно российской семье под силу новые хозяйственно-экономические отношения, поскольку для нее характерно “совместное проживание прародителей, родителей, детей и их совместная трудовая деятельность” (9).

Второй вопрос: Как соотносятся между собой институт наследования и моногамный брак при социализме? Не противоречит ли это мысли А. Бебеля и Ф. Энгельса о том, что при социализме устраняются все основы такой формы брака, ибо пролетариям “нечего наследовать”, кроме вещей личного и домашнего обихода? Американские фамилисты не преминули указать на три “логические неувязочки” в марксистской концепции построения “новой семьи”, лишенной якобы экономических оснований к браку и скрепленной исключительно духовно-нравственным и добровольно-интимным влечением полов. Во-первых, оказывается, при социализме наследуемое или приобретаемое имущество может скрытно или явно использоваться в качестве “средств производства”, источника значительных денежных доходов семьи. Во-вторых, при социализме (при официальном отсутствии “купли-продажи” в семейно-брачных отношениях) есть одна тонкая и очень “неприятная вещь”, омрачающая идиллию “пролетарской семьи”, а именно — и ж д и в е н ч е с т в о жены по отношению к мужу, который фактически и традиционно распоряжается семейным имуществом. Хотя по закону, формально, на него имеют право оба супруга. Это обстоятельство ставит даже работающую женщину в подчиненное, зависимое положение от мужа. В-третьих, напрашивается законный вопрос: где обещанное “превращение домашнего труда в отрасль крупного, индустриального производства”? Обреченность женщины тянуть в одиночку “домашний воз” лишь подчеркивает “второсортность” ее личностного и семейного статуса. Американцы приходят к выводу: “Либо в предполагаемой семье “нового типа” экономический фактор являлся более выгодным, чем в так называемой “буржуазной”, либо моногамия при социализме строится на особом распределении ролей и власти между супругами, от чего так упорно открешивается вся марксистская теория” (10). Впрочем, это уже “любимый конек” неофеминистов, и об их позициях предстоит разговор отдельный.

Третий вопрос: Всегда ли “сексуальный разгул”, “падение нравов”, бездуховность, двойная мораль и прочее являются непрелюбимыми атрибутами общества переходного типа? В американских работах довольно отчетливо звучит мысль о насаждении и умышленной пропаганде большевистскими лидерами (в

первую очередь, А. М. Коллонтай) “обобществленных форм семейной жизни” среди молодежи (11). Вероятно, можно рассматривать этот феномен 1920-х гг. с социально-психологических позиций (как, кстати, это предлагает делать С. И. Голод. — Т. С.). Но никуда не уйти от напрашивающейся мощной параллели с 1990-ми гг., знаменующими собой начало не менее “радикального переходного периода” к рынку. Трудно определенно сказать, когда наблюдается больший разгул безнравственности, “крутой порнографии”, рост адюльтера — теперь или 70 лет назад? И связан ли этот процесс исключительно с приходом к власти “большевиков”? Следуя этой логике, “демократов” можно уже сегодня призвать к вселенскому суду.

По нашему мнению, среди многих причин, способствующих “раскрепощению нравов” в семейно-брачном поведении, можно назвать и многоукладность экономики, нестабильность, анархию в хозяйственно-экономических отношениях. Даже сложилось определенное клише “ломки” стереотипов семьи. В 1920-х гг. обрушивались на патриархальную семью, как “оплот” мещанского религиозного быта, но не успели создать достаточно убедительный альтернативный тип “советской семьи”. Теперь, в 1990-х гг. “бросаясь в объятия” капитализма, оставляют на произвол судьбы сложившуюся модель семьи, еще не приспособленную к новым экономическим отношениям.

В самом деле, десятилетиями твердили, что советская семья держится за счет женщины-труженицы, матери, общественной деятельницы, активной строительницы” самого справедливого общества в истории человечества”. Массовое вовлечение женщин в общественное производство (как реализация одного из условий “освобождения” женщины) способствовало созданию именно такого типа “новой семьи”. Сегодня же, при переходе к рынку, 80% рабочих мест “освобождены” как раз женщинами, ставшими первыми и основными жертвами безработицы в стране. Что стало с семьями, чей семейный бюджет пополнялся во многом за счет работающей женщины? Не пора ли говорить о попытке “разрушения”, “ликвидации” семьи и об очередном “неудавшемся экспериментировании”, но теперь уже не со стороны большевиков и коммунистов, а представителей новой власти, претендующей на цивилизованные методы правления обществом?

В контексте данных рассуждений весьма кстати звучал прогноз для нашей страны, данный за два года до введения в России “шоковой терапии”. Сравнительные исследования, проведенные в четырнадцати странах Европы (в том числе в Центральном и Восточном ее регионах) по изменению модели семьи в условиях капитализма, дали повод задуматься как над положительными, так и над отрицательными последствиями этого процесса: “Можно предположить, что в многонациональном Союзе, если он последует “восточноевропейскому сценарию”, резкое падение жизненного уровня, а вместе с ним — и падение рождаемости грозит более тяжкими рецидивами, чем в соседних с ним странах” (12). Подтверждение удручающих прогнозов не заставило себя долго ждать. Российская семья лишена была периода социально-экономической и нравственной адаптации: уже в 1990 г. более 70% семей жили “от зарплаты до зарплаты”; каждый второй житель страны, каждый третий ребенок (23 млн. детей) оказались за чертой бедности. Последовавшая в 1991 г. “либерализация цен” вызвала необратимые демографические процессы. Если с 1990 г. рождаемость резко упала, то в 1992 г. впервые за многие десятилетия в России смертность превысила рождаемость.

Отсутствие прогнозирующей практики в отечественной социологии и политологии обернулось еще одним отрицательным последствием в проведении “семейной политики”. Когда в декабре 1991 г. произошел распад СССР, спектр “типологии семьи СНГ” включил семьи “безработных”, “беженцев”, “переселенцев”, “вре-

менно перемещенных лиц”, “депортированных”, “интерпретированных”, “русскоязычного населения” и т. д. И как следствие — дефицит денежных средств и жилья на обустройство этих семей, изыскание новых возможностей для выплат пособий и для возмещение ущерба.

В завершение обсуждения вопроса о соотношении форм собственности, экономического состояния общества и типологии семьи нельзя не коснуться одной оригинальной позиции американских специалистов, имеющей непосредственное отношение к разговору о “переходном периоде”; только не от одного экономического уклада к другому, а от одного типа цивилизации к другому (точнее, — от второй волны цивилизации к третьей волне). Общая идея такова: ломается не “социалистическая” и не “капиталистическая” система, а мировая индустриальная система в целом и соответствующий ей образ жизни система ценностей. Семья, как “производная единица” меняет не только свою сущность, но и свое внешнее проявление, поскольку теперь в ее распоряжении имеется новый вид собственности — информация. Внимание! Не форма собственности (социалистическая, частная, акционерная, личная и т. д.), а вид собственности. Американские специалисты уверены в том, что всеобщая компьютеризация общества позволит решить массу социально-экономических проблем и раскрыть принципиально новые возможности семьи как формы социальной общности: “Компьютерный коттедж, каким предстанет семья в “третьей волне” цивилизации, — это прорыв к невиданным успехам и вершинам человеческого существования” (13).

Футурологов поддерживают сторонники конвергентной перспективы развития современной семьи и отмечают при этом, что “технический прогресс выступает условием “трансформации” семьи. Главным же, внутренним импульсом такого движения должен стать серьезный сдвиг в системе ролей, в образе жизни, в психологических и нравственных установках индивидов (14). Обозначенная нами концепция отражает во многом рефлексивное направление американской фамилистики, особое место занимает в ней парадигма “образа жизни”. Эта тема будет рассмотрена ниже.

Знакомство с американской концепцией судьбы российской семьи в послеоктябрьский период было бы неполным, если не коснуться методологических принципов исследования семьи. Именно за методологические подходы приверженцев теории “деинституализации семьи” при социализме относят к так называемой “новой левой” социологии. Представители этого направления фамилистики ставят своей целью “модернизировать” марксизм в сторону его “гуманизации”. Желание американских теоретиков преодолеть “экономическую односторонность” и “однофакторность” марксизма заставляет их обращаться к анализу психологических, этических, коммуникативных перемен в брачно-семейном поведении. Они утверждают, что “именно эта, гуманистическая сторона была принесена большевиками, а затем и сталинским режимом — в жертву ради торжества абстрактной “общей собственности на средства производства” (15).

В определенном смысле упреки американских оппонентов справедливы: марксистская (применительно к нам: советская) социология семьи постоянно подчеркивала, что при взаимодействии экономической, психологической, духовной, физиологической сторон “экономическая необходимость только в конечном счете всегда пробивает себе путь”; однако практика это никак не подтверждала.

Итак, достижения научного консенсуса между американской и российской сторонами может произойти, на наш взгляд, на стыке концептуальных решений, на обоюдном признании того, что судьба российской семьи в переходные этапы развития общества обусловлена не партийной властью (большевиков, коммунистов,

демократов, кадетов, эсеров, монархистов) и программными заявлениями (какие бы блага они не сулили). Российская семья теряет свои статусные свойства потому, что не прогнозируются, не продумываются механизмы ее адаптации к изменяющимся условиям, а именно: экономические, финансовые, социальные, нравственные, психологические.

Впрочем, в американской фамилистике существует огромная армия исследователей, убежденных в том, что спасение российской семьи находится в прямой зависимости и от соответствующего распределения ролей и власти между полами. В таком случае — слово неофеминистам!

III. Проблемы семьи и женщины — через призму неофеминизма

Было бы крайне ошибочно считать, будто американские специалисты, в том числе и неофеминисты, не признают или не замечают тех позитивных сдвигов в становлении семьи, эмансипации женщины, которые, несмотря ни на что, произошли за годы Советской власти. К слову сказать, некоторые отечественные специалисты уже поспешили поставить крест на современной российской семье: раз нет “социализма”, значит кончилась и его первичная ячейка.

Обозначение проблем некогда “советской” семьи и статуса “советской” женщины с самого начала и до настоящего времени носило в публикациях американских феминологов характер “ранней диагностики” заболеваний российской семьи, а через нее — и всего общества. Можно только поражаться тому, сколько феминологи успели у нас изучить, особенно активно — с 1950-х гг. Причем, нередко в таких областях, заняться исследованием которых у нас никому бы в голову не пришло в те годы. Умение же американских коллег по крупицам собирать и обрабатывать статистический материал и затем облачать его в информационные выкладки, таблицы, графики, диаграммы и т. д. вообще не поддается никакому сравнению — чистая работа!

В рамках данной статьи нас, однако, больше интересует концептуально-методологическая сторона американских работ. Особую ценность могут представлять, как нам думается, исходные принципы, свойственные не только неофеминистским исследованиям, но и в целом — американской фамилистике и феминологии. Если попытаться их обобщить, то они предстанут как определенные социально-философские установки, нормы научного познания. Среди них мы выделяем следующие:

1. Необходимость выработки критерия научной диагностики проблем семьи и статуса женщины. Какие науки в первую очередь чувствительны к алармистским, тревожным сигналам из этой сферы? Следует ли предпочесть “золотую середину” на стыке психолого-биологических и политологических дисциплин или изучение семьи и индивидов как субъектов семейно-брачных отношений нуждается в принципиально новой науке?

2. Необходимость достижения согласия при оценке какого-либо явления, как “беспокоящего”, готового вылиться в проблему семьи с этической подоплекой. Что считать нравственным, а что безнравственным? Например, как расценивать разводы, распространение материнской семьи (матери-одиночки), появление внебрачных детей и многое другое?

3. Необходимость общей установки в отношении главной парадигмы — “проблемы

семьи". Что считать проблемой? Всегда ли проблема равнозначна отклонению от нормы? Или проблема — это проявление стадии развития противоречия? Если проблема предстает источником развития, то любое (даже шокирующее) явление семьи необходимо рассматривать как единство двух сторон, одна из которых — при благоприятных условиях — становится тенденцией. В таком случае основная функция социологии — это уловить, нащупать проблему семьи на стадии тенденции. За статистикой и социологической службой — только техническая сторона, они поставляют достоверную информацию, чтобы не дать проблеме докипеть до "взрыва", разрешить ее на стадии "гармонии", т. е. добиться гибкого сочетания, компромисса двух противоположных сторон — вот и вся "механика" разрешения любой семейно-брачной драмы.

4. необходимость выработки научно-диалектического представления о семье как о целостном явлении, для которого характерны два типа противоречий, стало быть, два типа проблем:

а) между семьей и обществом (государством);

б) внутри самой семьи — между ее членами (супругами, родителями и детьми).

В рассматриваемых нами методологических подходах легко просматриваются принципы структурного функционализма и известной ролевой теории Толкотта Парсонса, что ничуть не помешало американским ученым на протяжении почти сорока лет изучать советскую, российскую семью с особой тщательностью.

5. Необходимость обоснования "социального выбора". Именно эта парадигма наиболее отчетливо разделяет марксистскую и "западную" социальные философии. Согласно первой, человек не волен в выборе способа существования (в широком смысле), будучи жестко детерминирован объективно заданными производственными отношениями. Согласно второй, суть которой попытался представить американский философ Э. Моро-Сир, индивид просто имеет право на моральный выбор своего способа существования. Потому что "прагматизм", свойственный западному мышлению, это нечто иное как "практика", "опыт", который определяется критерием успеха. Успех — это приглашение к другому опыту. А поскольку в центре познания и переустройства мира теперь находится индивид, личность, то ничего необычного нет в том, что человек волен выбирать тот опыт, который несет с собой успех. Современный необихевиоризм дополнил этот тезис "законом выгоды": достижение максимального успеха минимальной ценой.

Сказанное во многом объясняет разницу между советской (российской) и американской социологической школами в понимании проблем современной семьи и определении путей выхода ее из кризисного состояния. Так, для российских специалистов, а нередко — публицистов "злободневными проблемами семьи" выглядит любой вопиющий факт нашей неустроенной действительности — от длинной очереди за "дефицитом" до массовой эмиграции российских девушек за границу в поисках "легкой жизни". Наши социологи, как и все общество, видят выход в экономической стабилизации и готовы ждать ее прихода хоть "500 дней", хоть "полтора года", а теперь уже — "десять-двенадцать лет".

Американской стороной, повторимся, "проблема" рассматривается как "явление", с его неперенными двумя сторонами развития, "плюсом" и "минусом". И лишь тогда, когда одна из этих сторон станет тенденцией, американский специалист возьмется давать рекомендации по разрешению той или иной проблемы в брачно-семейной сфере. Причем, не связывая их с "глобальными переменами" в руководстве страны и не слишком уповая на "чудеса" экономики, а будет делать ставку на внутренние резервы семьи и самого индивида.

В обобщенном виде проблемы современной российской семьи, рассматриваемые в американских работах, можно сгруппировать следующим образом:

- 1) Социальное неравенство женщины и мужчины.
- 2) Нестабильность семьи (разводы).
- 3) Социально-медицинские отклонения.
- 4) Демографический кризис.
- 5) Одиночество.
- 6) Добрачные и внебрачные сексуальные отношения (16).

Все эти пояснения позволяют оценить особенности именно неофеминистской школы в исследовании российской семьи. По нашему убеждению, неофеминизм как движение и теория заслуживает самого внимательного к себе отношения вопреки устоявшемуся в научном и обыденном сознании мнению о феминизме как о "чисто женской затее". Семья интересует представителей этого направления исключительно в контексте социального самочувствия женщины. Для наших западных коллег "проблемы советской семьи — это проблемы советской женщины, неадекватного решения "женского вопроса" в условиях тоталитарного режима" (17).

Неофеминизм неоднороден по своей сути и представлен несколькими направлениями — социалистическим, радикальным и либеральным (умеренным). Но объединяющим началом всех трех является идея об освобождении женщины от гнета. Неофеминистская концепция статуса женщины в семье и в обществе может быть представлена в нескольких теоретических позициях и тезисах.

Тезис первый. "Точка зрения Ф. Энгельса на уничтожение эксплуатации женщины путем ликвидации частной собственности на средства производства является прогрессивной, но недостаточной. Женщина при социализме оказалась так же не свободна, как и в условиях капитализма, поскольку не выявлены социально-биологические корни ее поведения... Механизм эксплуатации, который исследовал К. Маркс в своем "Капитале", — это явление вторичное. Ему предшествует эксплуатация женщины в семье" (18).

Тезис второй. "Женщины представляют собой своеобразный класс, эксплуатируемый в обществе, в том числе социалистическом, дважды. Государством, дискриминирующим женщину во всех отношениях и сферах — в экономике, политике, науке, управлении; Мужской половиной общества, начиная с семьи и кончая "массовой психологией", мужским шовинизмом в отношении женщины как якобы существа "второго сорта"... В тоталитарном советском обществе женщина попадает в прямую кабалу от государства, лишаясь привычного статуса, живя и действуя в интересах "всего общества". Она лишена свободы выбора и принятия решений даже в своем репродуктивном поведении, так как вопросы народонаселения находятся под неусыпным контролем партии и государства" (19).

Третья позиция. "Социальное угнетение женщины коренится в распределении ролей и власти по признаку пола: в СССР вообще скрыто действует сексизм, т. е. откровенное ущемление интересов женщин со стороны мужчин... Мужчины занимают все ключевые посты в политике, руководстве и управлении, а женщины на деле отстранены от участия в жизненно важных сферах" (20).

Четвертая позиция. "Советская женщина несет "двойное бремя". Ее двойной рабочий день (в общественном производстве или на службе и дома) является особой формой эксплуатации одного пола другим, поскольку домашний труд женщины не оплачивается и не вознаграждается ни в какой форме" (21). "В отношении государства — еще нагляднее: будучи в массовом и в обязательном порядке занята на второстепенных, трудоемких и малоквалифицированных, а значит, низкооплачиваемых видах работы, советская женщина превратилась в "наемную рабочую

силу" государства и только с этих позиций представляет для него интерес... И, если в СССР все еще нет открытого массового феминистского движения, своих партий, объединений, то только потому, что этот процесс сдерживается репрессивными средствами тоталитарной власти в стране" (22).

Пятая позиция. "Назрела необходимость в создании специфической теории угнетения женщин, что даст возможность обогатить традиционную методологию исследования семьи и, возможно, открыть второе дыхание марксизму. Например, если бы удалось соединить марксистскую теорию с фрейдистским учением, то угнетение женщины рассматривалось бы и по классовому принципу, и по признаку угнетения пола. Второй путь — создать марксизм-структурализм, который распространил бы марксистскую теорию прибавочной стоимости на сферу домашнего труда и доказал бы эксплуатируемое состояние женщины в условиях семьи. Почему бы не интегрировать психоанализ, политическую экономию и социологию в один метод? Словом, все, что угодно. Но от традиционных и дискредитирующих себя на практике "трех условий освобождения женщины", провозглашенных Ф. Энгельсом, в современных условиях пора решительно отказываться" (23).

Шестой тезис. "Принятый в стране Советов курс партии и государства на сочетание ролей женщиной (труженицы, матери, общественной деятельницы) явился ничем иным как идеологическим и пропагандистским трюком, ибо сочетание, параллелизм ролей невозможен просто физически — женщину можно было сделать только "всесторонне занятой личностью"... Постепенно семья, дети, личная жизнь — все это уходило у женщины на второй (третий, пятый) план, а социальные, демографические, нравственные последствия пожинались всем обществом" (24).

Седьмой тезис. "Свобода личности женщины — это возможность представления ей выбора той или иной сферы деятельности, отвечающей ее внутренним устремлениям. Свобода социального выбора позволит женщине преодолеть отчуждение по отношению к обществу, к членам семьи и по отношению к себе. Последнее особенно важно, в противном случае женщина вступает на путь антисоциального поведения (алкоголизм, наркомания, преступления, тунеядство, отказ от выполнения материнских обязанностей, покушения на самоубийство и т. д.)" (25).

Чтобы возможность выбора была гарантирована, подчеркивают американские социологи, "материнство должно стать профессией и оплачиваться как любая другая общественно-полезная работа... При социализме достаточно долго превозносили "женщину-труженицу", противопоставляя ее "женщине-матери", и это привело к необратимым последствиям в сознании женщины, общественном мнении и отразилось на стереотипах брачно-семейного поведения" (26).

Неофеминисты затрагивают еще один принципиально важный вопрос, выводящий исследователей фамилистов на тему "образа жизни женщины". Связан этот вопрос с большими психологическими перегрузками женщины. Американцы справедливо отмечают, что общественное производство, государственная служба, домашняя работа, постоянные заботы о хлебе насущном при слабо развитой инфраструктуре выжимают из женщины все: "...у нее заметно ослаблено здоровье, притуплены чувства, подавлены положительные эмоции, в привычку вошли грубость, агрессивность. Она теряет качества и свойства, отпущенные ей самой природой — женственность, сострадание, милосердие, терпимость. При нарастающем чувстве отчужденности она или совершает антисоциальные поступки, или идет на развод, или обрекает себя на затворничество и одиночество, либо находит альтернативные браку формы поведения в интимной сфере" (27).

В феминистской концепции не может оставить равнодушным призыв “совершить революцию не в материальной сфере, а в сознании людей, в первую очередь — мужчин”, равно как и предупреждение, что “новые попытки решения женского вопроса по старой схеме могут завести общество в очередной тупик” (28).

Тема образа жизни семьи и ее членов, формирования системы ценностей — как базовых понятий в налаживании семейных отношений — развивается преимущественно сторонниками рефлексивного направления фамилистики. Образ жизни рассматривается как еще один “подстраховочный крюк” для спасения семьи, которым сами американцы, по их собственным признаниям, вовремя воспользовались в последние годы. Российская же социальная наука легко рассталась с этой фундаментальной и когда-то любимой категорией, как только забуксовала перестройка.

Наши заокеанские коллеги, умело пользующиеся парадигмами “образа”, “стиля”, “качества”, “уровня” жизни и т. д., убеждены, что эти понятия являются ключом к раскрытию причин стабильности и вариативности брачно-семейных отношений. На протяжении трех десятков лет американские социологи проявляют устойчивый интерес к “образу жизни” российской семьи. Игнорировать такой опыт было бы непростительно.

IV. Образ жизни семьи — “воспоминание о будущем”?

200

Если принять во внимание отзывы американских ученых начала 80-х гг. о методологических разработках советских философов и социологов, занявшихся изучением различных образов жизни социальных групп, слоев, классов, населения, семьей центральных, восточных и западных регионов страны, то данная категория становилась перспективным объектом для совместной разработки советскими и американскими социологами. Особенно в аксиологической ее части: “переоценке ценностей”, наблюдавшейся, в первую очередь, в семье.

Те и другие исследователи (среди советских это А. Г. Харчев, Б. Ц. Урланис, А. Г. Здравосмыслов) обратили внимание на опасную тенденцию, появившуюся в советском обществе: в ряду иерархических ценностей семьи на первое место стали выходить “вещи” при одновременном резком обесценивании родительства, воспитания и социализации индивида в семье. Американские коллеги заметили, что рост “потребительской психологии” совпал в нашей стране с другими тенденциями, подтверждающими социальные недуги общества, в их числе — резкий процесс нуклеаризации семьи (а нередко — умышленный отказ иметь ребенка, причем в семьях с высоким материальным достатком), падение рождаемости, рост подростковой преступности (29).

Ввиду актуальности этой темы для обоих обществ западные ученые продолжают разрабатывать ее, считая, что “образ жизни семьи может напрямую повлиять на выздоровление семьи, поднимая ее статус и как социального института и как формы социальной общности” (30). К сожалению, из отечественных социально-философских разработок конца 1980-х — начала 1990-х гг. эта категория исчезла. Надо полагать, причина здесь одна — связанная с идеологической “конверсией”. На протяжении десятилетий категория “образ жизни”, применяемая в отечественных научных, партийных, публицистических изданиях, подразумевала уточняющее определение. Спрашивалось: какой? “Социалистический” или “буржуазный”? Идеологический прессинг находил методологическое “оправдание”: у К. Маркса “образ жизни” тождественен “способу производства”; стало быть — “буржуазному” и “социалистическому”. Мало кто тогда обращал внимание на существенное

добавление к той фразе: важно, что и как производят индивиды. Однако на макроуровне достаточно было “первой части”, чтобы раз и навсегда развести по обе стороны океана “олицетворение” добра и зла в этом мире.

А тем временем упрямо пробивавшиеся процессы индивидуализации в социалистическом обществе показали, что способ производства — еще не гарантия осуществления социального идеала, и на микроуровне (в семье, у отдельного индивида) неизбежно возникал мучительный вопрос: “Какой тип общества, какой образ жизни более способствует раскрытию личности и представляет ей социальную адаптацию?”

Отечественная социология только-только в те годы начала подходить к верному, на наш взгляд, решению: “социалистический” и “буржуазный” образ жизни семьи — это не противостояние, а лишь два разных способа воздействия на личность, два разных подхода, варианта в преодолении отчуждения индивида от общества через институт семьи, малую социальную группу. “Социалистический” рассчитывает на совершенствование “базисных” отношений в обществе, рассматривая их как гарантию семье. Поэтому индивидам в социалистическом обществе автоматически предоставлялись основные блага, с момента их рождения и до старости — работа, образование, жилье, право на отдых, на бесплатное медицинское обслуживание и т. д. “Буржуазный” (пусть — “американский”) рассчитывает на “индивидуальные качества” личности, предполагает создание индивидом собственного “имиджа”, социального образа, с которым он войдет в жизнь и реализует, “выполнит”, “сделает себя” в ней (принцип “self-made”). Американская семья прививает индивиду с детства мысль, что в этой жизни он сможет рассчитывать только на себя, на свои внутренние ресурсы к выживанию и к самоутверждению. В случае неудачи он пеняет на себя и предъявляет претензии только к себе.

Вот и вся разница: без всякого идеологического обрамления. Но отечественная наука, при прорыве “социалистической плотины” в спешке открестилась от своего фундаментального термина, “не сообразив”, что теперь, при переходе к новым, рыночным отношениям образ жизни можно включить в российскую социологию семьи в качестве ведущей парадигмы. И никакого “плагиата”! Ведь парадигма, в отличие от категории, как раз предполагает “моделирование социальной среды и выбор социального поведения в трех сущностных сферах жизнедеятельности семьи. Имеются в виду “труд, формирование и удовлетворение потребностей, взаимоотношения полов.” (31).

Итак, “образа жизни нет”, а проявления его дают о себе знать все чаще и тревожней. Российская семья, привыкшая за семь десятилетий рассчитывать на внешнюю помощь (раньше — со стороны государства, теперь — со стороны местных властей и на гуманитарную помощь Запада), оказалась в одиночестве перед беспощадными знаками рынка. Даже резкое снижение уровня жизни семьи, катастрофическое падение рождаемости, грозящее депопуляцией населения, массовые случаи сдачи родителями своих детей в приемники-распределители, в милицию и лишение жизни своих детей под предлогом, что их “нечем кормить” матери — все это свидетельствует о продолжающемся состоянии оцепенения, шока, из которого семья не может никак выйти, т. к. не приучена, не научена искать источник выживания в себе, мобилизовать внутренние, собственные резервы. Ибо эту способность прививает другой образ жизни, другой тип мышления. И в этом смысле американцы правы, связывая многие негативные явления в советской семье 1980-х гг. с издержками в ее образе жизни.

Первое, на что обращают внимание американские ученые, — это сфера труда. Она включает в себя вопросы “женской карьеры”, занятости членов семьи индивидуальными видами труда, умения зарабатывать деньги и знать им счет в подрост-

ковом и юношеском возрасте — словом, перечисленные виды деятельности обеспечивают семье определенный уровень жизни.

“Если говорить о советской семье, то “индивидуальная трудовая деятельность” воспринимается с большим скепсисом, вопрос о приеме подростков на временные и доступные виды работы снимается вообще под угрозой обвинения в “эксплуатации детского труда”. Участие же советской женщины в общественном производстве или ее занятость на государственной службе всегда оборачивалась диллемой: работа — средство самореализации, поднятия престижа в собственных глазах, в глазах мужа и детей, или — это возможность заработать, пополнить семейный бюджет? В большинстве случаев женщину вполне устраивал сам факт наличия для нее “рабочего места”. Женское “засилье” в ведущих отраслях производственной и непроизводственной сфер общества явилось одной из причин их застоя. Не поощряемый материально труд, “голый оклад” невольно способствовали тому, что женщина нередко “отбывала” свое рабочее время, не стремилась повысить квалификацию, освоить дополнительные профессии” (32).

По мнению американцев, неостребованный личностный, социальный, гражданский потенциал советской женщины, задавленность домашними обыденными заботами, просмотр телепередач как единственная форма “культурного досуга” явились причиной того, что даже интеллигентные женщины все чаще стали прибегать к курению и спиртному как способам снятия душевного стресса: “Здоровье работающих женщин находится под большой угрозой; в российском обществе наблюдается “феминизация алкоголизма” ...Если женщина не найдет в себе силы “заняться делом”, формы проявления ее отчаяния и апатии могут принять всепожароопасный характер” (33).

Прогнозирующая способность наших оппонентов равносильна “астрологической”: приведенное выше “пророчество” — пятилетней (!) давности, т. е. относится ко времени самого “расцвета” затеянной перестройки, когда и наше общество, и весь мир пребывали в состоянии полной эйфории от захватывающих дух программ и обещаний “коренным образом улучшить жизнь народа”, “укрепить советскую семью”, “обеспечить женщине достойный уровень жизни” и т. д.

Итак, рынок как путь “спасения” семьи: он заставляет работника “шевелиться”, “энергично думать”, изобретать, пробовать. Кооперативная, семейная, индивидуальная, посредническая, арендная, фермерская и другие виды деятельности поставят в прямую зависимость уровень жизни семьи от личной расторопности и находчивости ее членов. Это уже — не пассивное ожидание “благодетельности” а реализация потенциальных возможностей к выживанию, заложенных в семье и в отдельном индивиде.

И все же это все — в перспективе. А реальность такова, что “спасительный слой” российских предпринимателей не спешит складываться. Из всех видов деятельности процветает “посредническая”, превратившая в одночасье огромную страну в “грандиозную барахолку”, ничего общего не имеющую с цивилизованным рынком, производством товаров и услуг. Главным действующим лицом этого грустного спектакля вновь предстает женщина, занятая перекупкой или перепродажей вещей и продуктов, произведенных в государственном секторе, или поступивших в качестве гуманитарной помощи, либо сделанных на скорую руку самоучками — кооператорами, или, наконец, принесенных из дому (как “старье”, “старые запасы”, отложенные на “черный день”). Только небольшому контингенту женщин удастся устроиться в каком-нибудь малом предприятии, и тот не застрахован от провала из-за финансовых и правовых нарушений. У тех и у других — все та же беспросветность, неуверенность в завтрашнем дне; дефицит времени

на семью, культурный досуг, интересное, увлекательное занятие (если не считать “вынужденным хобби” садово-огородный участок, являющийся слабым подспорьем в условиях непрекращающейся либерализации цен).

Складывающийся новый образ жизни российской семьи вряд ли отвечает западным представлениям о семье “конвергентного типа” и уж совсем далек от “компьютерного коттеджа” третьей волны цивилизации. Упования рефлексивной фамилистике на возрождение российской семьи через реформирование сферы труда на частно-предпринимательской инициативе, к сожалению, пока не оправдались.

Вторая сфера образа жизни семьи — формирования и удовлетворение потребностей — рассматривается американскими социологами в двух ее аспектах: росте личного потребления и динамике потребности супругов в родительстве. Показатель жизни семьи в этой сфере соотносится с понятием “качества жизни”, т. е. умением окружить себя вещами, теми атрибутами повседневной жизни, включенностью в те виды досуга и времяпрепровождения, которые приняты в определенной социальной группе, чтобы ощутить психологическое удовлетворение от адекватного восприятия индивида остальными членами выбранной социальной орбиты. Исходя из опыта западной семьи, советологи предупреждают: “В индустриально развитых странах стремление постоянно добиваться соответствующего стандарта жизни порой чревато охлаждением родственных отношений, разрывом семейных уз, забвением обязанностей со стороны родителей и детей, так как заботы о членах семьи и их благополучии выглядят “рядовыми”, “обыденными”, “скучными” на фоне усилий, направляемых на поддержание “имиджа”... В социалистическом обществе, переживающем также социальное расслоение и дифференциацию, семья в этом смысле подвергается той же опасности. Как правило, стремление членов семьи к достижению воображаемого набора “показателей материального благополучия”, превращение мужчины в субъект добычи средств для реализации этой цели неизбежно влечет за собой семейные неурядицы и нередко ведет к распаду семьи” (34).

Западные фамилисты справедливо отмечают, что в российской семье “происходит быстрое смещение ценностей в сторону от семьи, усиливается стремление родителей переложить заботу о детях на плечи государства, школы, общественности, “бабушек” — кого угодно”... “Отказ от родительства, становящийся заурядным явлением, показывает, насколько глубоко поражен институт семьи. Перспективы по его выживанию, укреплению могут быть связаны с серьезными социально-психологическими изменениями в сознании людей; с восстановлением и значительным возрастанием ценности семейного очага” (35).

Среди причин “кризиса родительства”, возникновения нуклеарного и “бездетного” типа семьи американские исследователи называют не только стремление супругов “пожить в свое удовольствие”, “для себя”, но и то, что “дети перестали быть потенциальным источником экономической прибавки к бюджету семьи: либо сын или дочь с детских лет до достижения “солидного возраста” готовы сидеть “на шее у родителей”, либо после женитьбы или замужества молодая пара “отделяется”, живет своей жизнью” (36).

В третьей сфере образа жизни семьи — личном общении — американские социологи центральное место отводят мотивам к заключению брака или вступления мужчины и женщины в интимные отношения. В какой-то степени это та область жизни семьи, интимно-личностного поведения индивидов, по которой судят о стиле жизни. В американской литературе по российской семье наблюдается почти единодушное мнение относительно того, что отношения полов переживают девальвацию тонких, теплых чувств. Любовь как единственно возможная основа брака

при социализме (согласно концепции Ф. Энгельса) воспринимается нашими заокеанскими коллегами с изрядной долей скепсиса: "Существующая динамика разводов, их мотивация, система выбора партнеров свидетельствует о том, что любовь не является "единственным" цементирующим началом, "моральной ценностью" при заключении советского брака, поскольку все чаще при решении этого вопроса приоритет отдается другим мотивам. Среди них — уровень доходов, образовательный ценз, условия для совместного проживания, знания национальных традиций и обычаев, если брак межнациональный (теперь еще — знание национального языка. — Т. С.), виды на возможное продвижение по службе и т. д. Так что рефрен о "бескорыстном" социалистическом браке, отсутствии всякого расчета в брачных отношениях — далек от реального положения дел" (37).

Действительно, надо согласиться, что в "области личного счастья" накопилось немало проблем, и о них с тревогой также пишут наши российские исследователи — Ю. Б. Рюриков, И. С. Кон, А. Г. Вишневский и др. Нетрудно представить, какая серьезная проверка уготована нравственным основам современной семьи в переходный для общества период. При финансово-экономической, социально-правовой, политической нестабильности российского общества, стремлении отдельной личности получить хоть какую-нибудь гарантию ее выживания и защиты резонно предположить, что соображения материального порядка будут не просто доминировать в брачно-семейных отношениях, а перейдут в абсолют.

По-видимому, нашему обществу неизбежно предстоит переболеть этим "меркантильным" недугом, прежде чем семья будет осознана в качестве самостоятельной ценности за ее способность трансформировать на микроуровне основные сферы жизнедеятельности общества: труд, материальные и духовные потребности, отношения полов. Американцам знаком этот путь — от забвения семьи, пренебрежения "семейным статусом" личности до признания семьи как уникальной формы социального общения. Этим объясняется их убежденность в том, что российская семья "сможет выжить в будущем, если уже сегодня позаботится об укреплении своих духовно-нравственных устоев, своего образа жизни, посредством которого и происходит социализация, становление личности" (38).

Тема образа жизни семьи тесно связана с другим вопросом, неизбежно возникающим каждый раз, когда речь заходит о вариативности брачно-семейного поведения, об альтернативах самому институту семьи: сохранится ли традиционная семья? И что идет на смену? Тем более отраднo, что эту проблему не выпускают из своего поля зрения и наши, и американские коллеги, так что их прогнозы интересно было бы сопоставить с точкой зрения российских ученых на этот счет.

V. Типология брачно-семейного поведения. Перспектива семьи

По мнению американских социологов, моногамная семья в российском обществе заметно снизила свой монопольный статус. Наряду с ней появились новые типы семьи и новая практика брачно-семейного поведения, которая характеризуется несколькими отличительными особенностями.

Во-первых, семья довольно часто создается теперь не столько ради рождения и воспитания ребенка, сколько для получения удовлетворения от человеческого общения, проявления заботы друг о друге, обеспечения психологического комфорта; это относится либо к уже немолодым людям, либо к тем, кто в свое время "пропу-

стил” первый круг брачного знакомства. “Такие семьи представляют собой супружеский союз, в котором из всех традиционных функций семьи ведущая роль отводится реактивной, восстановительной функции, способной нести с собой “прайвеси” (уединенность) индивидам” (39).

Во-вторых, значительно расширяется трактовка самого понятия “семьи”. Если это не попытка создать альтернативу моногамии, то достаточно серьезная заявка на признание равного статуса с традиционным типом семьи всех других форм интимно-личностного и брачного поведения. “Новая тенденция дала о себе знать, когда обнаружилось к середине 1970-х гг., что число замужних женщин намного превышает число женатых мужчин (примерно на 1,5 млн.). Тогда же в понятийном аппарате советской социологии прочное место заняли “материнская семья” (семья матери-одиночки) и ее разновидность — “конкубинат” (когда наблюдается некоторое участие отца в дальнейшей судьбе своего ребенка и его матери при незарегистрированных отношениях). Оба типа семьи рассматривались как “внебрачные”. Некоторым двойственным статусом обладает распространенный тип “неполной семьи”, создающий иллюзию сохраняющего после расторжения брака “замужнего статуса” женщины, чей ребенок имеет законного отца, хотя бывший муж и проживает отдельно от своей семьи” (40).

В-третьих, расширился спектр “брачных форм” взаимоотношений полов. Распространенными можно считать “повторный брак” (последовательный брак — после ранее расторгнутого или после овдовения одного из супругов), “брак-договор” (когда семья создается на определенных, взаимовыгодных условиях при полной или частичной автономии супругов), “рак-коммуна”, “групповой брак” (с чертами сунгерства и синергамности — двоеженства, двоемужества, обмена партнерами) и, как феномен тогда еще закрытой советской системы, брак женщины с зарубежным партнером. “Разумеется, типология носит относительный, самый общий характер из-за недостаточной обеспеченности социологическими исследованиями и статистическими материалами. По некоторым видам брачно-семейного поведения, в том числе, — антисоциального характера, информацию собрать практически невозможно” (41).

Американская сторона отмечает, что значительная часть из представленных типов поведения в брачно-семейной области воспринимается старшим поколением как “шокирующее”, оцениваются как “безнравственное”, подрывающее основы представлений молодежи о семейной жизни и провоцирующее отрицательные установки молодых людей на семью. Все это так. “Но необходимо учитывать новые реальности во всех сферах жизни общества, и, самое главное, нельзя не считаться с изменениями в социальном положении и социальном мышлении самой женщины” (42).

Очень верно, на наш взгляд, американцы подметили явное противоречие в “жизнеустройстве” советской женщины. С одной стороны, женщина приобрела большую уверенность в себе, стала материально независимой, а потому способна решить для себя проблему “личной жизни” без оглядки на родительское и общественное мнение. С другой, — ей труднее “встретить судьбу”. Сама возможность “познакомиться” вылилась в серьезную проблему. К тому же “...парадокс состоит в том, что на советском “брачном рынке” женщины и девушки среднего уровня развития, заурядных способностей и непритязательной внешности, как правило, без особого труда находят себе брачных партнеров, чего не скажешь об “интеллектуалке” или женщине, всесторонне одаренной талантами, — здесь поиски человека могут затянуться на долгие годы... “Пробные браки”, “материнская семья”, одиночество, как предпочитаемый женщиной образ жизни — появились не случай-

но, а ввиду сомнений женщины создать семью на долговременной основе (не надо забывать и про появившуюся волну “убежденных холостяков”) ...Возможна и другая причина: в то время как в мужском массовом сознании заметно девальвировал “эталон супруги”, у женщин, напротив, резко возросли требования к личности мужчины как будущего брачного и семейного партнера; “грубый эрот” ее не удовлетворяет, она предпочитает остаться одна, нежели соединить судьбу с человеком, не отвечающим ее интеллектуальным, нравственным и психологическим критериям” (43).

Что касается американских прогнозов относительно ведущего типа российской семьи, то применительно к условиям социалистического строя он звучал почти однозначно: моногамная семья, как “...отвечающая государственному устройству, сложившейся системе разделения социальных ролей между полами и, возможно, укоренившемуся в массовом женском сознании стереотипному представлению о браке и семье... Стабилизация моногамной семьи будет зависеть от того, насколько успешно смогут социально-экономические программы увязать выполнение советской семьей двух функций — репродуктивной и хозяйственно-экономической, ибо ориентироваться властям придется на “работающую женщину”.

В частности, для женщины, занятой в общественном производстве или на государственной службе, можно строить модель семьи с учетом занятости женщины полный рабочий день, неполный, с гибким графиком и при возможной поддержке ее дома в хозяйственно-бытовой части со стороны мужа, родственников, подрастающих детей; необходимо продумать систему соответствующих стимулов, работу служб инфраструктуры. Если женщина занята индивидуально-трудовой деятельностью, то модель семьи должна ориентироваться на “большую хозяйственно-производственную семью, в которой, помимо родителей и детей, могут быть заняты прародители, ближайшие родственники и т. д. При этом социально-бытовое обеспечение, финансово-экономическая поддержка такой семье должны оказываться местными властями и без какого-либо ущемления прав членов этой семьи” (44).

Вряд ли данный прогноз и модель развития семьи, предназначенные для общества социалистического типа и предложенные американцами целых десять (!) лет назад, нуждаются в каком-либо комментарии. К слову сказать, пока наши специалисты по семье вели жаркие дискуссии на страницах “толстых журналов” относительно того, какой тип семьи утвердится в нашей стране в будущем — “биархатный” или все же “эгалитарный”, американские социологи предлагали в настоящем “дело делать”. В конце 1980-х гг. на советских предприятиях и в государственных учреждениях вроде бы приступили к апробации аналогичной модели семьи “работающей женщины”, как неожиданно “власть сменилась”, и проект остался не только не реализованным, но и не востребованным.

В самом деле, при набирающей обороты приватизации принимать во внимание какую-то “репродуктивную модель” семьи работающей женщины никому не придет в голову. Какое малое предприятие, акционерное общество, коммерческий банк, биржа, совместное предприятие, кооператив, предприятие с “ограниченной ответственностью” и т. д. возьмется составлять график для многодетной и даже просто “детной” матери при наличии миллионов “высвободившихся” рабочих рук? Впрочем, если расценивать перспективы семьи как малой социальной группы, то не потерял своей актуальности предложенный американцами вариант возрождения “большой”, патриархальной семьи, но на новой экономической основе — частно-индивидуальных видах труда и формах собственности. Популярный ныне “фермерский” тип семьи — это отнюдь не изолированный “хутор”, а исконно славянская форма объединения нескольких дворов (или нескольких поколений семьи под общей крышей) в хозяйственно-производственную единицу.

Что касается перспектив “брачного поведения”, т. е. в каком соотношении предстанут в условиях рынка формы проявления института семьи (моногамный брак и все другие) — на этот вопрос у американских социологов не было еще времени и возможности ответить достаточно определенно: слишком стремительны перемены в бывшей стране Советов. К тому же, не стоит забывать, что Россия — это по-прежнему многонациональная страна, и на возрождении семейно-брачных традиций непременно скажется этнический и религиозный фактор.

Как бы там ни было, ссылаясь на опыт самих западных стран, можно быть уверенным в том, что несмотря на всю поливариантность и даже альтернативность брачно-семейного поведения, классическую форму отношений полов — моногамию — не так-то просто подорвать, если человечество сумело пронести ее через тысячелетия. Россия, надо думать, развивается не в стороне “от столбовой дороги цивилизации”.

Заключение

Решение вопроса “быть или не быть российской семье?” ставится американскими социологами в прямую зависимость от возможностей семьи выполнять свои социальные функции в самые сложные, переломные для страны периоды, будь то послеоктябрьский период и становление “развитого социализма”, “перестройка” или “переход к рынку”. В американской фамилистике и феминологии сложились как бы три варианта преодоления российской семьей кризисного состояния; каждому варианту соответствует свой социальный статус семьи — как малой социальной группы (первичной ячейки общества), социального института и формы социальной общности.

Так, представители “новой левой” социологии считают, что возрождение российской семьи возможно через реформу отношений собственности и психолого-нравственную переориентацию индивидов. Отчасти эту точку зрения разделяют футурологи, уточняя лишь, что речь должна идти не о форме, а о новом виде собственности. В том и другом случае механизмом постепенной трансформации новых отношений с макроуровня на первичную ячейку общества служит прогнозирование и создание (!?) возможностей “приспособиться” к изменяющимся условиям.

Сторонники неофеминистского направления убеждены, что российская семья и дальше будет пребывать в деформированном состоянии, пока в обществе не произойдет коренного пересмотра социальных ролей и власти между полами, не прекратится экономическая эксплуатация женщины со стороны государства и мужской половины общества. Выход неофеминисты видят в предоставлении женщине гарантированного права на социальный выбор сферы деятельности, в том числе — оплачиваемого материнства. Только при этом условии семья как социальный институт сможет нести ответственность за демографические процессы в обществе и за сексуально-брачное поведение индивидов.

Приверженцы рефлексивного направления делают ставку на укрепление образа жизни российской семьи как способ выявления ее потенциальных возможностей по самоусовершенствованию и социализации личности. Путь этот лежит через осознание уникальности семьи как социальной общности, наиболее эффективно прививающей индивиду установки и ценности в сфере труда, потребностей и отношений полов.

Думается, представленное в обзоре разнообразие теоретико-методологических принципов изучения российской семьи и рекомендации практического свойства по

ее стабилизации наглядно демонстрируют не только высокий научный потенциал американской фамилистики, но и одинаково уважительное отношение сторонников каждого из социологических направлений к концепциям и методологическим подходам другого, возможно, прямо противоположного учения. Поистине, в настоящей науке не бывает тесно. Неплохая школа для отечественных социологов и уникальное поле деятельности для научного диалога американских и российских фамилистов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Hollander P. The Many Faces of Socialism. Comparative Sociology and Politics. New Brunswick, 1983. P. 7-10.
2. Dunn S. P., Dunn E. The study of the Soviet family in the USSR and in the West. N. Y., 1977. P. 10,22; Soviet social scientists talking: An official debate about woman / Ed. by Buckley M. L., 1986. P. 80-91.
3. Stites R. Utopia and experiment in the Russian revolution: some preliminary thoughts. Washington. 1981. P. 14,25.
4. Dunn S., Dunn E. Op. cit. P. 7-9.
5. Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution / Ed. by Gleason A., Kenez P., Stites R. Bloomington, 1985. P. 259.
6. Ibid. P. 263-265.
7. Stites R. Op. cit. P. 9.
8. The Gorbachev Era / Ed. by Dallin A. and Rice C. Stanford (California), 1986. P. 38-39.
9. Yorburg B. Families and Societies. Survival or Extinction? N. Y., 1983. P. 230.
10. Engels Revisited New Feminist Essays / Ed. By Sayers T., Evans M. and Redclift N. L.; N. Y., 1987. P. 112.
11. Bolshevik Culture. P. 260.
12. Changing Patterns of European Family Life: A comparative analysis of 14 European countries: For the European coordination centre for research and documentantation in social sciences / Ed. by Boh K. L.; N. Y., 1989. P. 274, 293.
13. Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1980. P. 141, 210.
14. Yorburg B. Op. cit. P. 10,122.
15. Stites R. Op. cit. P. 35.
16. Hollander P. Op. cit. P. 147-149; The Future of the Soviet Empire / Ed. by Rowen H. S. and Wolf Ch. Tr. N. Y.; L., 1987. P. 203,340; Understanding Soviet Society / Ed. by Sacks M. P. and Pankhurst T. G. Boston; London; Sydney, 1988. P. 71-91.
17. Hollander P. Op. cit. P. 7.
18. Vogel L. Marxism and the Oppressions of Women. Toward a Unitary Theory. New Brunswick, 1983. P. 33,34.
19. Petersen W. Marxism and the Population Question: Theory and Practic // Population and Development Review. N. Y., Vol. 14. 1988. P. 84.
20. Communism and the Politics of Inequalities / Ed. by Nelson D. N. Toronto, 1983. P. 39.
21. Engels Revisited. P. 111.
22. Hollander P. Op. cit. P. 155.
23. Molyneux M. Socialist Societes Old and New: Progress toward Women's Emancipation? / Monthly review. N. Y. Vol. 34. N 3. 1984. P. 67.
24. Hosking G. The First Socialist Society. A History of the Soviet Union from Within. Cambridge (Massachusetts), 1985.P. 398.
25. Understanding Soviet society. P. 201,213.
26. Molyneux M. Op. cit. P. 70.
27. Understanding Soviet society.
28. The Future of the Soviet Empire. P. 340.
29. Hollander P. Op. cit. P. 146, 149.

30. Millar T. R., Clayton E. Quality of the Life; Subjective Measures of Relative Satisfaction // Politics, Work, and Daily Life in the USSR. Cambridge (Massachusetts), 1987. P. 37.
31. Berliner T. S. Economy and family in the USSR. Washington, 1981. P. 5.
32. Ibid. P. 63-64; Lapidus G. W. Sexual Equality in Soviet Policy: A Developmental Perspective // Women in Russia / Ed. by Atkinson D. N. Y., 1978. P. 131-132.
33. The Future of the Soviet Empire. P. 294,340.
34. Millar T. R., Clayton E. Op. cit. P. 39-40.
35. Yorburg B. Op. cit. P. 122; Molyneux M. Op. cit. P. 97.
36. Berliner T. S. Op. cit. P. 39.
37. Fisher W. A. The Soviet Marriage Market: Mateselection in Russia and the USSR. N. Y., 1980.
38. Yorburg B. Op. cit. P. 230.
39. Ibid. P. 123.
40. Hosking G. Op. cit. P. 397,398.
41. Fisher W. A. Op. cit. P. 199.
42. Yorburg B. Op. cit. P. 229.
43. Fisher W. A. Op. cit. P. 216,265; Hosking G. Op. cit. P. 397.
44. Heer D. Soviet Population Policy: Four model Futures // Soviet Population Policy. Conflicts and Constraints / Ed. by Desfosses H. N. Y., 1981. P. 129.